

DOI: 10.31857/S086919080024860-3

ШИИТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ПРОКСИ-ГРУППЫ В КОНТЕКСТЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

© 2023

А.А. КУЗНЕЦОВ ^а

^а – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8073-401X; samarkand4@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена месту проиранских шиитских прокси-групп в системе международных отношений на Ближнем Востоке, их роли в поддержании национальной безопасности Исламской Республики Иран. Её актуальность объясняется значительным расширением в последнее десятилетие иранского влияния в регионе, в котором значительную роль играют шиитские партии, движения и вооруженные группировки.

В статье приводятся: исследование деятельности прокси-групп в отдельных странах (Ливан, Сирия, Ирак); анализ причин их появления и роста их политической активности; исследование их влияния на рост конфликтного потенциала между Ираном и Израилем; выяснение функции этих групп в системе национальной безопасности ИРИ.

Автор статьи отмечает значительное усиление движения «Хизбалла» в Ливане. Этому способствовали несколько факторов, проанализированных в данном исследовании. Во-первых, дрейф движения в сторону общеливанского национализма, наметившийся после победы в войне 2006 г. Во-вторых, создание коалиций с партнерами из других партий и конфессиональных общин. В статье также отмечается значительное влияние иранских прокси-групп на военно-политическую ситуацию в Ираке. В этой стране вооруженные формирования «Аль-Хашд аш-Шааби» не только доминируют в силовых структурах, но и активно участвуют в парламентской деятельности, влияют на формирование правительства страны.

В заключении содержится прогноз вероятной стратегии Ирана по взаимодействию с данными группировками. В настоящее время шиитские прокси-группы занимают важное место в системе обеспечения национальной безопасности ИРИ. В условиях конфронтации Ирана с США, Израилем и Саудовской Аравией они выполняют роль сдерживающего фактора. Например, возможное нападение ВВС США и Израиля на иранские ядерные объекты блокируется угрозой атаки на Израиль со стороны Южного Ливана и Голанских высот, а также на американские военные объекты в Ираке и других государствах Персидского залива.

Ключевые слова: Иран; прокси-группы; «Хизбалла»; «Аль-Хашд аш-Шааби»; Израиль; Сирия; Голанские высоты.

Для цитирования: Кузнецов А.А. Шиитские движения и прокси-группы в контексте ближневосточной политики Исламской Республики Иран. *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 119–130. DOI: 10.31857/S086919080024860-3

THE SHI'A MOVEMENTS AND PROXY GROUPS IN CONTEXT OF THE MIDDLE EASTERN POLICY OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

© 2023

Alexander A. KUZNETSOV^a^a – High School of Economics, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0001-8073-401X; samarkand4@yandex.ru

Abstract: This article is dedicated to the role and significance of the Iranian proxy-groups in the system of international relations in the Middle East and national security structures of the Islamic Republic of Iran. The relevance of this work stems from significant increase of the Iranian influence in the region over the past ten years. The article includes research of the activity of Iranian proxies in specific countries (Lebanon, Syria, Iraq); analysis of their genesis and increasing political activity; research of their influence on the augment of conflict potential between Iran and Israel; analysis of these groups' functions in the system of national security of Iran. The author of the article points out, among other factors, that the Hezbollah movement in Lebanon has considerably strengthened its positions in the recent years due to a number of reasons, first of all, the movement's victory in the military conflict with Israel in 2006. The second reason is various political alliances and coalitions with other Lebanese parliamentary parties; the third one is considerable military experience obtained by Hezbollah in the civil war in Syria (2013–2019). The author also emphasizes Hezbollah's significant influence in the military and political spheres of Iraq, which are held by the pro-Iranian "Al Khashd al Shaabi" created by Shi'a parties. In conclusion, the author provides a review of these groups's relations with Iran and their prospects. The Iranian proxy groups play a significant role in the national security of Iran. Taking Iran's confrontation with the US, Israel and Saudi Arabia into account, these groups are providing deterrence against probable aggression of the US and Israel towards Iran.

Keywords: Iran; proxy groups; Hezbollah; al Hashed al Shaabi; Israel; Syria; Golan Heights.

For citation: Kuznetsov A.A. The Shi'a Movements and Proxy Groups in Context of the Middle Eastern Policy of the Islamic Republic of Iran. *Vostok (Oriens)* 2023. No. 2. Pp. 119–130. DOI: 10.31857/S086919080024860-3

В последнее десятилетие Исламская Республика Иран и ее внешняя политика стали объектом пристального внимания политиков, экспертов и журналистов всего мира. Главной причиной этого является рост значения Ирана в региональной и глобальной системах международных отношений. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, иранская ядерная программа, которая вывела эту страну в число передовых в технологическом отношении государств мира. Во-вторых, непрекращающаяся конфронтация Ирана с США, Израилем и Саудовской Аравией. В-третьих, рост иранского влияния на Ближнем Востоке в последнее десятилетие.

Некоторые эксперты полагают, что Иран фактически контролирует Ирак, Сирию и Ливан, а также оказывает сильное влияние на положение в Йемене. Реальная ситуация не столь однозначна и гораздо более сложна и нюансирована. Тем не менее Тегеран действительно оказывает значительное влияние на эти страны. Причем делает это через шиитские политические движения и вооруженные группировки шиитской направленности. Например, вице-президент Центра стратегических и международных исследований США (CSIS) Сет Джонс пишет: «Иран существенно нарастил свое влияние на Ближнем Востоке, используя

негосударственных партнеров, несмотря на американские санкции против Ирана и выход США из ядерной сделки. Иранские экономические трудности до сих пор не привели к снижению активности в регионе. Иранские лидеры остаются привержены наращиванию могущества в регионе, используя иррегулярные методы. В последнее время наблюдается рост масштаба и возможностей зарубежных полувоенных организаций, связанных с силами «Кудс», Корпуса стражей исламской революции (КСИР)» [Jones, 2019, p. 6].

Создание и поддержка союзнических военизированных формирований на Ближнем Востоке обусловлены иранской военной доктриной и опираются как на законодательные принципы, так и на наработки иранской военной стратегии. Конституция Исламской Республики Иран постулирует необходимость создания вооруженных сил, проникнутых исламской идеологией и способных защищать ИРИ на дальних рубежах. В преамбуле к Конституции говорится: «При организации и формировании вооруженных сил и Корпуса Стражей Исламской Революции необходимо уделять внимание вере и религии как фундаменту нашей армии. Вооруженные силы и КСИР должны быть организованы в соответствии с этой целью. Они несут ответственность не только за охрану наших границ, но и за выполнение своей миссии, *священной войны (джихада) на пути Аллаха* и за борьбу по распространению Закона Божьего (шариата) в мире» [*Constitution of the Islamic Republic of Iran*, 1999, p. 12].

В связи с тем, что поддержка союзных партий и движений требует больших финансовых затрат и принимая во внимание сложную экономическую ситуацию в самом Иране, не лишена важности глава преамбулы Конституции под названием «Экономика как средство, а не цель». В ней говорится: «Принцип правительства лежит в удовлетворении человеческих нужд в их росте и развитии. ИРИ не преследует другие экономические цели, такие как централизация и аккумуляция богатства или погоня за прибылью» [*Constitution of the Islamic Republic of Iran*, 1979, p. 28]. В свою очередь, статья 154 в разделе «Внешняя политика» постулирует необходимость оказания Тегераном «братской помощи» союзным партиям и движениям за рубежом: «Идеалом ИРИ является процветание человеческого общества. Наше государство рассматривает независимость, свободу, господство истины и справедливости как неотъемлемое право народов всего мира. В соответствии с этим мы, отвергая вмешательство во внутренние дела других государств, в то же время поддерживаем справедливую борьбу угнетенных (*мустазэффин*) против угнетателей (*мустакбирин*) в любом уголке земного шара» [*Constitution of the Islamic Republic of Iran*, 1999, p. 37].

Что касается собственно военной доктрины Ирана, то она долгое время носила чисто оборонительный характер. Такой подход основывался на опыте ирано-иракской войны 1980–1988 гг. При этом потенциальной угрозой считались сопредельные государства (Ирак Саддама Хусейна, Афганистан при господстве движения «Талибан»). В 2005 г. эта доктрина была модифицирована в соответствии с вызовами времени. Американская оккупация Ирака в 2003 г. обозначила новый вызов: возможность прямой военной агрессии со стороны сверхдержавы (США). Новая стратегия «мозаичной обороны» ставила основной акцент на развитии военно-морских сил и ПВО для того, чтобы не допустить доминирования противника на море и в воздухе. Предусматривалось также создание в рамках армии и КСИР небольших мобильных отрядов, готовых оборонять иранскую территорию в случае сухопутного вторжения. Иранский исследователь Афшин Остовар считает, что в 2012 г. была принята новая концепция гибридной войны, предусматривающая не только оборонительную, но и наступательную стратегию. Она предусматривает, что Иран должен воевать со своими противниками за пределами своих границ, а не на собственной территории. Эта доктрина включает в себя четыре основных момента: широкое использование прокси-групп; война

в воздухе с помощью самолетов-беспилотников; морская герилья (использование торпед, подводных лодок, небольших судов с взрывчаткой на борту); кибератаки. Именно с этого времени интенсифицируется иранская помощь не только движению «Хизбалла», но и отрядам «Аль-Хашд аш-Шааби» в Ираке, движению хоуситов в Йемене, вооруженным формированиям шиитов-хазарейцев в Афганистане [Ostovar, 2019, p. 165].

Создание шиитских прокси-групп началось в 1980-е гг. Однако наиболее интенсивно этот процесс пошел в первое десятилетие двадцать первого века. Деятельность этих организаций вписывается в стратегию по обеспечению безопасности ИРИ. В связи с постоянной конфронтацией с США и отсутствием боеспособных ВВС двумя основными элементами иранской стратегии безопасности являются развитие ракетных войск и поддержка прокси-групп, готовых в случае возникновения большого ирано-американского военного конфликта нанести удар по войскам США в регионе и американскому стратегическому партнеру – Израилю.

В связи с тем, что основные союзники Ирана из числа негосударственных акторов оперируют в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене, целесообразно рассмотреть отдельно ситуацию в данных государствах.

ДВИЖЕНИЕ «ХИЗБАЛЛА» КАК АВАНГАРД ШИИТСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУПП В РЕГИОНЕ

Наиболее надежным и хорошо подготовленным союзником Ирана в регионе является движение «Хизбалла». Движение «Хизбалла» было образовано в 1982 г. радикальными элементами, отколовшимися от шиитского движения «Амаль», находившегося в кризисе после гибели в 1978 г. его основателя имама Мусы Садра. При этом большую роль в образовании этого политического движения сыграли представители иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) [Косач, 2008]. Тесный альянс «Хизбаллы» с Ираном обусловлен как военно-политическими, так и идеологическими причинами. «Хизбалла» разделяет иранскую доктрину о *велят аль-факих* (наместничестве законоведов), то есть такой политической системе, при которой власть в отсутствие скрытого Имама Махди осуществляют исламские духовные авторитеты. При этом в качестве Вали аль-Факих рассматривается верховный лидер Ирана. Автор передовой статьи в журнале «Багياتулла» в 1998 г. писал: «Наша политика заключается в том, чтобы прочно закрепиться на корабле Имама Хомейни, прокладываящем свой путь в море лишений и ярости» [*Siyasatuna va'l velayat al-faqih*, 1998, p. 8]. Автор передовицы подчеркивает: «Имам учил нас, что *Вали аль-Амр* (верховный лидер Ирана или *Вали аль-Факих*) является Ходжатолла (доказательством Аллаха на земле)» [*Siyasatuna va'l velayat al-faqih*, 1998, p. 12].

Впрочем, движение «Хизбалла» не стоит считать только клиентской группой ИРИ, выполняющей иранскую повестку. С начала 2000-х гг. руководство движения постоянно подчеркивает, что оно озабочено защитой национальных интересов и суверенитета Ливана. Эти высказывания и действия побудили французских ученых Валида Шарару и Фредерика Домона охарактеризовать «Хизбаллу» как «исламо-националистическое движение» [Chagara, Domont, 2006, p. 116]. Было бы неверным характеризовать его и как террористическую организацию, что делают правительства Израиля, США и Великобритании. «Хизбалла» имеет два крыла: военное и политическое. Политическое давно является парламентской партией, работающей в легитимном поле. Несмотря на значительные разногласия с политическими конкурентами и их попытки разоружить формирования «Хизбаллы», руководство движения ни разу с 1990 г. не прибегало к насилию во

внутриполитической борьбе, постоянно участвует в коалиционных правительствах Ливана и демонстрирует свою готовность к компромиссу.

Острые борьбы этого движения было направлено против израильской армии, захватившей южные районы страны. В 2000 г. партизанская борьба «Хизбаллы» на оккупированном Юге Ливана вынудила израильтян вывести войска из этого региона. В июле – августе 2006 г. состоялась 33-дневная война Израиля против «Хизбаллы». Целью военной операции Армии обороны Израиля был военный и политический разгром этого шиитского движения. Однако данная военная кампания имела неожиданный результат. Сухопутная операция израильских ВС захлебнулась на линии Марджаюн-Хасбая в немалой степени благодаря новой тактике «Хизбаллы» по противодействию израильским танкам. Противотанковые расчеты «Хизбаллы» численностью в 12–15 человек, вооруженные противотанковыми ракетами «Корнет» и «Фагот» уничтожили значительное количество считавшихся до того неуязвимыми танков «Меркаба» [Farquhar, 2010, p. 83–89]. Фактическая военная победа в Июльской войне значительно подняла популярность «Хизбаллы» в Ливане.

Вывод сирийских войск из Ливана в 2005 г. заставил руководство партии по-новому взглянуть на ее место в ливанской политике. Руководство «Хизбаллы» для достижения своих интересов начало политику блокирования с другими политическими силами. Умение договариваться является неотъемлемым элементом ливанской политической культуры, и партия овладела им в полной мере. Отражение израильской агрессии летом 2006 г. существенно повысило престиж «Хизбаллы» среди других религиозных общин Ливана. В 2006 г. партии удалось договориться о сотрудничестве с видным ливанским христианским политиком генералом Мишелем Ауном. В ходе майских парламентских выборов 2009 г. «Хизбалла» сформировала коалицию «8 марта» с союзниками: Свободным Патриотическим Движением М.Ауна, движением «Амаль», светской Сирийской Национально-социалистической партией и Демократической партией Ливана (часть общины друзов, вставшая в оппозицию к Валиду Джумблату) [El-Husseini, 2010, p. 86].

Что касается военных возможностей «Хизбаллы», то после 2006 г. они существенно возросли. По данным независимых экспертов, вооруженные формирования этого шиитского движения насчитывают от 20 до 25 тыс. бойцов и 15 тыс. резервистов [Sullivan, 2014, p. 15]. Наиболее беспокоящим фактором для соседнего Израиля является ракетный арсенал «Хизбаллы». На 2006 г. в нем присутствовали около 15 тыс. ракет, включая ракеты «земля-земля» Fajr-3 и Fajr-5, противотанковые управляемые ракеты, ракетные системы залпового огня (РСЗО) «Катюша». Сейчас количество боевых единиц ракет оценивается в 130 тыс. В настоящее время, по информации американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), к ним добавились баллистические ракеты иранского производства Zelzal-1/2, Fateh-110, Scud-B/C. Их общее количество ориентировочно оценивается в 18–20 тысяч. Также в арсенале движения появились противокорабельные ракеты C-802 и «Яхонт», переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) SA-16 и SA-18, зенитные ракеты SA-8 SA-17 [Missiles and rockets of Hezbollah, 2018, p. 10].

Безусловно, такое наращивание вооружений и содержание вооруженных формирований требуют больших расходов. Кроме военной составляющей, «Партия Бога» занимается и большой социальной работой. Она содержит за свой счет сеть больниц и поликлиник, школы и техникумы для ливанских шиитов. Основным спонсором движения является Иран. У нас нет точных данных о размерах иранского финансирования, однако Федеральное Казначейство США (US Treasury) в 2018 г. оценивало годовой объем иранской помощи в 700 млн долл. [Karam, 2022]. Помимо этого, партия получает пожертвования от бизнесменов из шиитской общины Ливана, а также от ливанской диаспоры за рубежом.

В 2013–2019 гг. вооруженные формирования «Хизбаллы» в количестве 7–9 тыс. человек принимали активное участие в военных действиях в Сирии на стороне президента Башара Асада. Отрицательной стороной сирийской кампании были значительные человеческие потери (до 2500 бойцов «Хизбаллы») [Alami M, 2017, p. 22]. В то же время вооруженные отряды движения приобрели неоценимый боевой опыт, в частности, боевых действий в городских условиях, планирования больших операций, диверсионной работы. Если ранее «Хизбалла» вела боевые действия с одним и тем же противником на одной и той же территории (с Израилем в холмистом Южном Ливане), то теперь она получила опыт войны на нескольких театрах с разными природными условиями: в высокогорье, на равнинной сельскохозяйственной местности, в городских условиях. До этого «Хизбалла» тренировала своих бойцов для защиты сел Южного Ливана от возможного наступления Армии Обороны Израиля, ведя боевые действия в качестве партизан. Некоторые отряды «Хизбаллы» были самодостаточны и пользовались различными видами вооружений, например, управляемыми противотанковыми ракетами [Israel, Hezbollah and Iran, 2018]. В Сирии роль вооруженных формирований «Хизбаллы» трансформировалась от обороны к захвату и удержанию территории. Ранее шиитское движение оперировало небольшими отрядами. В ходе сирийского конфликта она научилась развертывать соединения численностью в сотни бойцов, координировать их действия с военно-воздушными силами и артиллерией. Как отмечал британский эксперт по «Хизбалле» Николас Бланфорд, ««Хизбалла» научилась сражаться большими военными соединениями и в координации с военнослужащими других государств, чего не было до этого. Сейчас она даже имеет свою механизированную бригаду. Ее боевики научились использовать современные методы разведки при планировании боевых операций» [Blanford, 2017, p. 19].

Главным стратегическим противником «Хизбаллы» в Сирии были джихадисты салафитской направленности и поддерживавшие их монархии Персидского залива (Саудовская Аравия, Катар). В связи с этим Тегеран всячески сдерживал руководство «Хизбаллы» в действиях против Израиля. Однако с 2016–2017 гг. ситуация стала меняться. Участились удары израильских ВВС по иранским военным объектам в Сирии. Новая администрация Трампа вышла из СВПД и ввела «калечащие» санкции против ИРИ. Произошла утечка информации о возможных израильских ударах по ядерным объектам в Иране. Исходя из этого, Израиль вновь стал геополитическим противником № 1 иранского руководства. Соответственно возросла и опасность прямой войны на израильско-ливанских границах. В Израиле опасаются военных действий против еврейского государства с нескольких фронтов: с севера из Ливана, с запада из сектора Газа и с северо-востока со стороны САР. Все это повышает вероятность военного конфликта между Израилем и «Хизбаллой» [Melman, 2018].

В связи с военно-политическим противостоянием Ирана и Израиля в регионе Ближнего Востока важным представляется вопрос о возможном альянсе ИРИ и его прокси-групп с палестинским движением ХАМАС. Эта военно-политическая группировка не является проиранской и проводит достаточно независимую политику. В 1997–2012 гг. она пользовалась ощутимой поддержкой со стороны Сирии. Однако после того как тогдашний лидер ХАМАС Халед Мешааль в 2012 г. покинул Дамаск и перебрался в Катар в знак протеста против подавления политического ислама в Сирии, а само палестинское движение перешло под эгиду Турции и Катара, отношения Дамаска и Тегерана с руководством ХАМАС были заморожены. Начиная с 2019 г., появляется информация о возобновившихся контактах ХАМАС с Ираном, но окончательной нормализации отношений пока не произошло. Учитывая наметившуюся с начала 2022 г. линию турецкого правительства на установление дружественных отношений с Израилем и ослабление поддержки Анкарой движения «Братьев-мусульман»,

возможно установление в будущем тесного альянса ХАМАС с Исламской Республикой [Atwan Abd al-Bari, 2021].

ИРАНСКИЕ ПРОКСИ-ГРУППЫ В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ

С самого начала сирийского кризиса в 2011 г. руководство Ирана поддержало законное правительство Башара Асада. Для Тегерана было неприемлемым падение основного иранского союзника на Ближнем Востоке и приход к власти в Дамаске проамериканских и просаудовских сил. Представляется, что важность САР для иранских национальных интересов обусловлена несколькими факторами. Во-первых, геополитическим (выход к Средиземному морю). Во-вторых, логистическим (через Сирию проходят логистические цепочки снабжения «Хизбаллы»). В-третьих, Сирия на Ближнем Востоке является противовесом аравийским монархиям и Израилю, являющимся вероятными противниками ИРИ. Таким образом Тегеран обеспечивает себе стратегическую глубину в регионе. В связи с тем, что сирийские вооруженные силы были ослаблены войной на нескольких фронтах, иранцы решили применить в САР иракскую тактику и сформировать милиции по образцу иракских вооруженных формирований «Аль-Хашд аш-Шааби». Говоря о шиитских милициях, следует, прежде всего, упомянуть «Бригаду Имама аль-Хусейна». Это сирийское шиитское ополчение, созданное в 2013 г. и включающее в себя также боевиков из Ирака и Афганистана. Оно насчитывает до 1200 штыков и дислоцировано в пригороде Дамаска Саида Зейнаб рядом с могилой дочери Имама Хусейна. Другой боеспособной милицией является «Бригада Имама аль-Бакира». До 2016 г. она действовала в восточных и южных районах провинции Алеппо, но в 2017 г. расширила свои действия в Сирийской пустыне и провинции Дейр эз-Зор. Она состоит в основном из представителей племени аль-Баггара, которые перешли в шиизм до и во время гражданской войны в Сирии под воздействием массовой иранской пропаганды. Численность бригады оценивается примерно в 2000 человек. Третьей крупной группировкой является «Джейш аль-Махди», которая является сирийской ветвью иракских шиитских ополченцев, связанных с движением Муктады ас-Садра в Ираке. Её численность составляет примерно 2000 человек [Щегловин, 2021].

Кроме шиитских милиций, финансировавшихся Тегераном, в гражданской войне на стороне правительства принимали участие также вооруженные формирования других религиозных меньшинств: христиан, алавитов, друзов.

После окончания в 2018 г. «горячей фазы» сирийского конфликта влияние этих добровольческих формирований пошло на спад. По рекомендации российских военных советников Дамаск стал осуществлять программу по укреплению и консолидации регулярных вооруженных сил. На базе этих формирований были созданы 3-й, 4-й и 5-й механизированные корпуса. Более того, в состав 4-го корпуса по настоянию российских офицеров зачисляются «раскаявшиеся» боевики вооруженной оппозиции в том случае, если они не принадлежали к террористическим организациям ИГ и «Джебхат ан-нусра». Осенью 2019 г. правительство САР распустило добровольческие милиции, действовавшие в городе Алеппо [Waters, 2020].

Таким образом, говорить о шиитских милициях, доминирующих в Сирии, уже невозможно. Что касается иранского военного присутствия в САР, то необходимо пояснить, что на территории этого государства нет регулярных частей иранской армии и КСИР. Есть иранские инструкторы, они же командиры, осуществляющие руководство шиитскими добровольцами из Ливана, Ирака, Афганистана и Пакистана. Известный российский востоковед Владимир Ахмедов отмечает, что в конце 2021 г. Иран предпринял ряд шагов по

укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. В октябре 2021 г. подконтрольные Ирану шиитские милиции начали строительство новой военной базы в районе Абу Камаль на правом берегу Евфрата. Работы вела иранская строительная компания «Джихад аль-Бина». Это вторая крупная военная база Ирана в САР после ранее построенной базы «Имам Али». По оценке военных экспертов, новая база должна была стать основным оперативным центром управления деятельностью шиитских милиций в Сирии под контролем КСИР. Иранская база в районе Дейр эз-Зора призвана обеспечить долговременное присутствие Ирана и шиитских милиций в Сирии. Ее стратегическая значимость обусловлена тем, что Иран получает возможность контролировать трассу Багдад-Дамаск-Бейрут. В задачу новой базы входит отражение возможных атак коалиционных сил и Израиля [Ахмедов, 2022]. Иранское военное присутствие в Сирии преследует две цели. Во-первых, обеспечить доступ из Ирана к побережью Средиземного моря через территорию Ирака, Сирии и Ливана. Это вписывается в планы по усилению геополитического влияния ИРИ на Ближнем Востоке. Во-вторых, обеспечить преемственность иранского влияния в Сирии после возможного ухода Башара Асада.

«АЛЬ-ХАШД АШ-ШААБИ» В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТЕРРОРИСТОВ

Ирак имеет ключевое значение для обеспечения безопасности Ирана. Иранская политическая элита хорошо помнит времена ирано-иракской войны 1980–1988 гг., принесшей иранскому народу огромные человеческие и экономические потери. Вторым фактором, обуславливающим важность Ирака для иранской политики, является то, что на территории этого государства расположены главные святыни шиизма: Неджеф и Кербела.

Создание шиитских вооруженных формирований в Ираке совпало с военной кампанией против террористической организации «Исламское государство»¹. Одним из результатов войны с террористами из «Исламского государства» на севере Ирака стала организация шиитских вооруженных формирований (милиций), связанных с Ираном. В результате чисток из иракской армии в начале 2000-х гг. были уволены наиболее профессиональные офицеры саддамовского призыва, генеральские должности продавались за деньги, рядовые отказывались воевать. После молниеносного захвата Мосула террористами из «Исламского государства» духовный лидер шиитов Ирака великий аятолла Али ас-Систани издал в июле 2014 г. фетву, санкционирующую создание милиций и набор в них молодых добровольцев.

Наиболее сильным из них является «Бригада Бадр» («Лива аль-Бадр»). Командует ею бывший министр транспорта в правительстве Н. аль-Малики Хади аль-Амири. Х. аль-Амири известен как ветеран шиитского движения в Ираке, во время ирано-иракской войны воевал в составе иракских добровольцев на стороне иранской армии против Саддама Хусейна. Имеет двойное гражданство (иракское и иранское), женат на иранке [Smyth, 2015].

Еще одной шиитской милицией является «Катаиб Хизбалла» («Батальоны партии Бога») во главе с Джамалем аль-Ибрахими. Эта группировка была создана в 2007 г. при содействии ливанской «Хизбаллы». Ряд шиитских вооруженных формирований получил хороший боевой опыт в Сирии, где они сражались на стороне правительства Башара Асада. К ним относятся «Асаиб ахль аль-Хакк» («Лига правоверных»), «Лива Абу Фадль аль-Аббас» («Бригада Абу Фадля аль-Аббаса») и отряды «Хорасан» Али аль-Ясири. Военную организацию «Асаиб ахль аль-Хакк» возглавляет Кайс аль-Хазали, бывший полевой командир «Армии Махди», перешедший на сторону правительства Нури аль-Малики в 2008 г. В 2014–2015 гг. шиитские прокси-группы «Асаиб ахль аль-хакк», «Катаиб

¹ Запрещено в РФ.

Хизбалла», «Бригада Бадр» и другие были объединены в структуру «Аль-Хашд аш-Шааби» («Народное ополчение») [Smyth, 2015]. К этой структуре затем примкнули христианские и некоторые суннитские структуры самообороны, созданные в северных провинциях Ирака для противодействия «Исламскому государству»². В 2017 г. иракский парламент узаконил их деятельность, придав «Аль-Хашд аш-Шааби» статус национальной гвардии.

РОЛЬ КСИР В ПЛАНИРОВАНИИ И ПРОВЕДЕНИИ СПЕЦОПЕРАЦИЙ С УЧАСТИЕМ ПРОКСИ-ГРУПП

Значительную роль в создании «Аль-Хашд аш-Шааби» и шиитских прокси-групп в Сирии сыграл командующий силами спецназа «Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) генерал Касем Сулеймани, убитый в результате спецоперации ЦРУ США в январе 2020 г. Сулеймани лично участвовал в планировании и проведении многих военных операций. Его заслугой является то, что летом 2014 г. отрядам террористической группировки «Исламское государство»³ не удалось занять Багдад [Filkins, 2014].

В 2012–2020 гг. генерал Сулеймани фактически координировал деятельность «Хизбаллы», «Аль-Хашд аш-Шааби» и сирийских проиранских милиций по противодействию попыткам свергнуть законное правительство в САР. Особенно доверительные отношения у него сложились с генеральным секретарем движения «Хизбалла» Хасаном Насраллой. 13 февраля 2020 г. лидер «Хизбаллы» дал интервью телекомпании «Аль-Манар» в связи с сорока днями после убийства иранского генерала. Хасан Насралла отметил, что Сулеймани вникал во все детали и постоянно лично приезжал в столицы ближневосточных государств для координации военной деятельности. Он подчеркнул: «Хаджи Касем всегда лично приезжал, чтобы проверить обстановку в поле и дать ценные указания. С тех пор, как в 1998 г. он стал командующим силами “Кудс”, мы в течение 22 лет очень редко встречались в Тегеране. Но он со своей стороны приезжал к нам очень часто. Сам факт, что он приезжал на поле битвы, чтобы непосредственно встретиться с братьями из “Хизбаллы”, выслушать их мнения и пожелания, имел значительный положительный эффект в плане руководства. Он был человеком, который находился рядом в самые темные времена и тяжелые дни для нас. Например, во время 33-дневной войны с Израилем он приехал из Тегерана в Дамаск и связался с нами. Он сказал, что хотел бы быть в Дакхе (южный микрорайон Бейрута, оплот “Хизбаллы” – прим. авт.). Мы ответили ему, что это невозможно. Мосты были разрушены, дороги перерезаны, израильские самолеты поражали все реальные и подозреваемые цели. Однако он настаивал и пригрозил, что если мы не пошлем за ним машину, то он поедет на своей. Он настаивал, приехал к нам и находился у нас до окончания войны» [Nasrallah explains, 2021].

В этом же интервью Х. Насралла раскрыл роль «Хизбаллы» в укреплении боеспособности иракских вооруженных формирований «Аль-Хашд аш-Шааби» в 2014–2016 гг. Он вспоминал: «Когда началась борьба с ДАИШ (“Исламским государством”⁴), Хаджи Касем прилетел из Багдада в аэропорт Дамаска, а оттуда направился напрямик к нам в Бейрут. Мы встретились с ним в полночь. Я хорошо помню, как он сказал мне: “На рассвете ты должен предоставить мне 120 оперативных командиров”. Я ответил ему: “о, Хаджи, уже ночь, как к утру я соберу тебе 120 командиров?”. Он ответил мне, что эти люди нужны для того, чтобы руководить отрядами “Аль-Хашд аш-Шааби” в Ираке. В Ираке не нужны рядовые бойцы, так как там полно добровольцев, а вот опытных командиров там нет. Он сказал мне:

² Запрещено в РФ.

³ Запрещено в РФ.

⁴ Запрещено в РФ.

“Пойми, это единственное эффективное решение, чтобы защитить иракский народ, наши святыне места (гробницы Имамов), наши *хауза* (исламские семинарии)”. Генерал Касем Сулеймани до этого ни о чем нас не просил, он никогда не просил даже для Ирана. Первый раз он попросил для Ирака. Мы к утру предоставили ему 60 командиров, с которыми он отбыл в Багдад» [*Nasrallah explains*, 2021].

ПРОКСИ-ГРУППЫ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИРАНА

Поддержка союзных политических группировок и вооруженных формирований, в основном шиитского толка, занимает важное место в доктрине национальной безопасности Исламской Республики Иран. С момента победы исламской революции геостратегическое положение ИРИ является крайне невыгодным. Это государство находится в окружении американских союзников и американских военных баз. Угроза военного удара со стороны США и их союзников, прежде всего Израиля, является для Ирана вполне реальной. В условиях слабости военно-воздушных сил иранская политическая элита выбрала два метода повышения обороноспособности страны. Во-первых, создание мощного ракетного арсенала. Во-вторых, поддержка прокси-групп, способных выступить серьезной угрозой американскому военному присутствию в регионе, Израилю и Саудовской Аравии [Lamrani, 2022].

Этот тезис подчеркивают и иранские аналитики. Эксперт Института международных политических исследований ИРИ Бехнам Вакили в своей статье, опубликованной в феврале 2022 г. на сайте «Дипломатии ирани» пишет о том, что в Иране известную тревогу вызвала информация об установлении в 2020 г. дипломатических и политических отношений между рядом арабских государств Персидского залива (ОАЭ, Бахрейн) и Израилем. В Тегеране опасаются, что Израиль таким образом сможет установить свое военное и разведывательное присутствие вблизи от иранских границ. Причину процесса нормализации он видит во внутренней слабости как Израиля, так и аравийских монархий. Израиль, по его мнению, не имеет стратегической глубины, так как уязвим с северного (Ливан и «Хизбалла»), западного (Газа) и восточного (Голанские высоты) направлений. Аравийские монархии, несмотря на масштабные закупки вооружений у США, не обладают боеспособными вооруженными силами, обладающими высоким моральным духом. В качестве противодействия новому складывающемуся союзу он, цитируя верховного лидера ИРИ Али Хаменеи, видит силы «сопротивления», то есть иранские прокси-группы, «способные быть важным и эффективным противовесом сионистскому режиму и прозападным монархиям Залива» [Wakili, 2022].

Во-первых, сеть прокси-групп выполняет важную функцию в поддержке национальной безопасности Ирана. В случае открытой американской или израильской агрессии против Ирана союзные ИРИ вооруженные формирования осуществляют нападения на американские военные объекты на Ближнем Востоке, подвергнув опасности жизни тысяч американских военнослужащих, или на территорию Израиля.

Во-вторых, парадокс заключается в том, что расцвету этих группировок во многом способствовала политика США и их союзников. Иракские милиции появились после того, как по наущению американских неоконсерваторов после американской оккупации Ирака в 2003 г. были уничтожены силовые структуры этой страны и армия Саддама Хусейна, в стране образовался вакуум власти. Проиранские прокси-группы появились в Сирии с началом в этой стране гражданской войны, инспирированной США и монархиями Персидского залива.

Для того чтобы уменьшить влияние этих группировок, необходима выработка мер доверия в регионе, проведение переговоров или консультаций между Ираном с одной стороны и его антагонистами – Израилем и аравийскими монархиями с другой, а также стабилизация обстановки в Ливане, Сирии и Йемене.

Israel, Hezbollah and Iran: preventing another war in Syria. International Crisis Group. Middle East Report. No. 182. Amsterdam, 2018.

Jones S. *War by Proxy: Iran's growing footprint in the Middle East*. Washington: CSIS, 2019.

Karam J. Iran pays Hezbollah USD 700 million a year, US official says. *The National News*. 01.10.2022. www.thenationalnews.com/world/the-americas/iran-pays-hezbollah-700-million-a-year-us-official-says-1.737347 (accessed 15.01.2023).

Lamrani O. Iran's conventional military capabilities. *New Lines Institute*. 14.02.2022. www.newlineinstitute.org/iran/irans-conventional-military-capabilities/ (accessed 20.01.2023).

Melman Y. Confronting Iran: Israel's new war front in Syria. *Middle East Eye*. 08.09.2018. <http://www.middleeasteye.net/columns/stopping-iran-israels-new-war-front-syria-445719702> (accessed: 20.01.2023).

Missiles and rockets of Hezbollah. CSIS, 2018.

Nasrallah explains why Qassem Soleimani is unique and how he defeated ISIS in Iraq. *Resistance News Unfiltered*. 28.01.2021. www.resistancenews.org/2021/01/03/nasrallah-about-qassem-soleimani-and-his-victory-against-isis-in-iraq/ (accessed 08.01.2023).

Ostovar A. Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War. *Security Studies*. No. 28. 1 (2019). Pp. 159–188.

Smyth Ph. Iraq's Shiite militias are becoming as great a danger as the Islamic State. *Foreign Policy*, 26.07.2015. http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/09/18/all_the_ayatollahs_men_shiite_militias_iran_iraq_islamic_state (accessed: 20.01.2023).

Sullivan M. *Hezbollah in Syria*. *Middle East Security Report*. April 2014. No. 19.

Waters G. The Lion and the Eagle. The Syrian Arab Army Destruction and Rebirth. *Middle East Institute*. 17.08.2020. <https://www.mei.edu/publications/lion-and-eagle-syrian-arab-armys-destruction-and-rebirth> (accessed: 18.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЗНЕЦОВ Александр Андреевич – кандидат политических наук, преподаватель Высшей школы экономики, Москва, Россия.

Alexander A. KUZNETSOV, PhD (Political Studies), Assistant Professor, High School of Economics, Moscow, Russia.